

НОСТАЛЬГИЯ

С него началось «человеческое» телевидение. Тогда это было не принято - разговаривать обычным, домашним языком со зрителями, делать как бы нарочитые трогательные «ляпы», и вообще - давать волю своему природному обаянию. Практически все телевизионные передачи в то время вели профессиональные дикторы, прошедшие актерскую, а затем еще более специализированную дикторскую школу, где их научили стандартным, порой жестким, порой фальшивым, интонациям.

«Кинопанорамы» вел сценарист, до того не имеющий никакого опыта работы на телевидении. Он говорил о вещах, которые знал вдоль и поперек. Вероятно, эти два факта создали столь естественный и по-настоящему независимый образ ведущего. Хотя тех, кто знал Алексея Каплера, эти слова могут покорибить: прежде всего интересен и уникален Каплер-человек. Его обаяние, пробивающее экран. И отсюда - необычайная популярность.

Девять лет, с 1964-го по 1972-й - все время работы Каплера в «Кинопанораме» рядом с ним была режиссер программы Ксения МАРИНИНА, которая работала до сих пор. К ней и обратилась корреспондент «Известий-ТВ» Юлия МИХАЙЛЕВСКАЯ за воспоминаниями об этом человеке.

- Когда Зиновий Ефимович Гердт, первый ведущий «Кинопанорамы», уехал в длительную командировку, мы начали искать замену. Пошли по молодым талантам: Ия Саввина, Олег Табаков, Руфина Нифонтова, Татьяна Лаврова. Они были очень хороши, но они были актерами. Это другая профессия. Они не смогли бы больше играть на сцене, потому что ведущий находится уже совершенно в другом качестве. О Каплере я знала ровно столько, сколько и обыкновенные зрители - что он сценарист, автор фильма «Ленин в Октябре» и еще целого ряда картин. Рассказывали о его человеческом обаянии. И я решила его пригласить. Все удивлялись: «Ну что ты придумала - ему уже за шестьдесят! Надо же продвигать молодых». Я сама не была уверена, что поступаю правильно, поэтому говорила: «Попробуем - посмотрим».

После первых двух программ с ним было неясно: принят он зрителями или нет? Но потом начался грандиознейший успех.

Я могу его объяснить. В те времена на телевидении было принято использовать радиный прием - жесткость выражений, интонаций, офидиоз, выверенность каждого слова. Одна оговорка сулила большие неприятности. И вдруг появляется человек, который в прямом эфире (Каплер все выпуски «Кинопанорамы» вел только так) говорит следующее: «Сейчас вы посмотрите кино молодого режиссера... Ой-ой, я забыл фамилию. Где-то у меня тут было записано... не могу найти. А! Давайте сделаем так: вы сейчас посмотрите кино, а я пока найду и потом вам скажу». Он был настолько естественным, что даже в те очень жесткие времена такие номера проходили, как должное.

В сюжеты, записанные для программы, он не вникал, не комментировал за кадром, как это делается сейчас. Мы просто ему давали список сюжетов и к нему краткую справочку - кто когда родился, женился, крестился и кто что сыграл. Из этого материала дня за два он готовил свой текст - нельзя же столько запомнить. В остальном вся передача была импровизационной.

Ему удавалось сохранять какую-то непосредственность. Он был как белая ворона среди тех, кто выступал по бумажке, четко, с выверенным текстом, с перепу- ганым видом. Один раз я рассказала ему анекдот, помните, тот, когда министру путей сообщения режиссер сделал круговое движение рукой, в смысле «время заканчивается, закругляйся», а тот понял по-своему: «Да, а теперь об окружной железной дороге!» Так вот, Алексею Яковлевичу тоже показали: «конец эфира!», на что он тут же среагировал: «О, мне вон показывают круг. Это у них тут, на телевидении, есть такая привычка - закругляйся, значит. И я в связи с этим знаю одну историю...». На следующий день звонит мне председатель Гостелерадио Месяцев, что бывало довольно редко, и спрашивает: «Что там у вас Каплер наговорил? А то мне министр путей сообщения звонит - он очень оскорблен». Я пересказываю эпизод. «И больше ничего? Ну так это ничего». Через день опять телефон: «Нет, все-таки что сказал Каплер? Министр требует, чтобы вы опровергли его слова». Я опять, как попу- гаи, повторяю слова Каплера. Звонки продолжались около месяца. Министр провел целое расследование, выяснив, что на самом деле такой истории не было и что это просто анекдот и жуткая клевета.

Он очень сильно волновался за каждую программу. Весь мокрый, он буквально сшибал нас на лестнице: «Ну как? Мы говорили: «Прекрасно!» - «Все врете, потому что вы меня любите. Я вот приду к Юле (он был мужем Юлии Друниной), и она скажет: «О! Живот вывалил, все время чесался», - а вы мне не делаете замечаний!» Я говорила: «Алексей Яковлевич, ну одно из двух: или мы вам все время будем говорить «не чешись», «не вываливай живот» или вы просто не будете думать об этом». Ведь по закону режиссуры выступающий в кадре артист может иметь один объект внимания. «Вы должны думать, о чем вы говорите». Он очень сокрушался: «Ну ладно, теперь честно, вываливал живот?»

Они с Юлей были удивительной парой, несмотря на разницу в возрасте. Он ее боготворил, она его обожала. Они были как-то по-человечески близки. В одном из выпусков он, как обычно, рассказывал про фильмы и вдруг: «Зима на дворе. Вы за город едете? Возьмите обязательно какие-нибудь крошки для птиц. Им сейчас очень трудно». И долго рассказывал, как повесить кормушку, чтобы ее снегом не засыпало. Так все это его Юля попросила сказать. А самое удивительное, что никто потом его не спрашивал, как он мог так ук-

КАПЛЕР: ДЕВЯТЬ ЛЕТ «ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО» ТЕЛЕВИДЕНИЯ

лониться от темы передачи. Никто. Когда на экране человек с таким обаянием и знает, что ему говорить, все смотрится естественно.

Когда Юля уезжала в командировки, он заметно скучал. Он ею любовался, говорил: «Посмотрите, какая она красивая!»

Практически с весны по осень они с Юлей жили в Коктебеле. Они очень любили это место, любили Волошина, часто ходили на его могилу. Ходили на Карадак, на Святую. Юля быстрым маршем пролетала по этим горам, а грузный Алексей Яковлевич шел медленнее, поэтому она говорила: «Ты вот так иди, иди, а я быстренько до верха добегу, потом вернусь и тебя встречу». Он приезжал из Коктебеля на записи и репетиции. Проводил в Москве три-четыре дня - и обратно.

Нельзя сказать, что он знал кинематограф как теоретик, как искусствовед. Он просто в нем долгое время существовал. И когда он приглашал Юткевича, или Трауберга, или Козинцева, или Герасимова - это были все люди, с которыми он начинал в кинематографе, поэтому пленяла сама тональность разговора. Причем это неправда, что он сообщал какие-то безумно специальные вещи. Одно его правило я запомнила на всю жизнь и исповедую его: очень невоспитанно разговаривать с людьми, которые не знают специфики твоего дела, на языке этой специальности. Для специалистов это и так известно, а для зрителя непонятно. Поэтому он никогда не вдавался в глубины кинематографа, он просто обменивался впечатлениями. Если в «Кинопанораме» с его участием заходил разговор о каком-то фильме - это была автоматическая рекомендация к его просмотру. Поэтому, как правило, он не давал отрицательных рецензий.

Но иногда, начиная какую-то тему, он влюблялся в нее, как это было с Верой Холодной. Он уже мчался в Киев, разоблачал автора какой-то книги, который не так изобразил Веру Холодную. Это уже было делом его жизни, мы из передачи в передачу что-то про нее рассказывали. Ему вообще было очень важно восстанавливать чье-то доброе имя.

При этом зрители воспринимали его однозначно как ведущего «Кинопанорамы». Знали, конечно, что он имеет какое-то непосредственное отношение к кино, поэтому писали наугад: «Самому лучшему режиссеру страны Алексею Каплеру». С таким же успехом могло пройти и «актеру Каплеру», и писателю - для зрителей его профессия вне «Кинопанорамы» была вторичной и вообще неважной. Как ведущий он был бесспорным для всех, если не считать четырех-пяти анти-семитских писем.

Вы спрашиваете, вспоминал ли он о времени, проведенном в заключении? Он на эту тему никогда не разговаривал. И очень переживал и смущался, когда Светлана Аллилуева рассказывала и писала об их романе. Воспоминания обо всех его связях, позволю себе заметить, многочис-

ленными, ему казались неуместными, потому что они могли покорибить Юлю.

Мне кажется, что эта история с его романом так или иначе тянулась за ним хвостом всю жизнь. В официальных кругах я никогда не слышала восторженных оценок Каплера и «Кинопанорамы» - вообще никаких оценок. И это выглядело неестественно - руководство тогда все время вмешивалось в жизнь телевидения.

Я могла бы рассказать, почему он ушел, но не знаю; насколько это будет тактично. После «Ленина в Октябре» у него были какие-то осложнения с Михаилом Юрьевичем Роммом. Поэтому, когда мы ему в «Кинопанораму» предложили сюжет о замечательной актрисе Елене Кузьминой, жене Михаила Юрьевича, он сказал, что не хочет этого сюжета. Но мы его уже сделали и знали, что Ромму не столь важно, что скажут о нем, сколько о Кузьминой. В первый раз в жизни мы с Каплером поспорили. Конечно, если он не хотел, сюжет невозможно было дать, и это меня очень задело. Я предложила ему друг от друга отдохнуть. Я ему сказала, что он так необходим зрителю, то если уж отдыхать, так мне. И начала делать новую программу под названием «Киновикторина».

«Кинопанорама» по организации была очень сложной программой. С приходом нового режиссерского состава, видимо, начались большие сложности. Алексей Яковлевич при всей его доброте и покладистости был человеком очень вспыльчивым. Он много раз грозил, что по каким-то вопросам пойдет выяснять отношения с Лапиным, и Юля, которая всегда была рядом, тушила пожар: «Да сиди ты, чего тебе там надо выяснять!» Она знала его темперамент и очень волновалась, как бы он не подорвал сердце. Когда я ушла из «Кинопанорамы», он рассердился, что ему пришлось ночью приезжать на репетицию: что-то было не подготовлено вовремя. Он влетел в кабинет к Лапину и прямо в дверях начал орать: «Что это, черт возьми, у вас тут такое делается! Вы наведете порядок среди этого безобразия, или я больше не буду работать в «Кинопанораме!» Сергей Георгиевич не привык к такому обращению, поэтому спокойно ответил: «Алексей Яковлевич, вас очень любит публика, и, поверьте мне, она будет очень жалеть, что вы больше не будете вести «Кинопанораму». Все - Каплеру после этих слов говорить было уже нечего, его телевизионная карьера была закончена.

Первое, что он сделал, - побегал к редактору студии кинопрограмм и попросил: «Верните Ксению в программу, иначе передача погибнет, мне ее жалко».

Письма со стенами «верните Каплера!» шли до тех пор, пока не пришел Рязанов, то есть семь лет.

Подписание номера в печать:
По графику — 15.00
Фактически — 15.00

Тираж 846.000 экз.
Индекс — 50050
Зак. № 71 Тип. № 11529